

В. Г. Короленко. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

В. Г. Короленко. Максим Горький

Когда я вернулся в Нижний из Тифлиса, В.Г.Короленко был в Петербурге. Не имея работы, я написал несколько маленьких рассказов и послал их в "Волжский вестник" Рейнгардта, самую влиятельную газету Поволжья благодаря постоянному сотрудничеству в ней В.Г.

Рассказы были подписаны М.Г. или Г-ий, их быстро напечатали, Рейнгардт прислал мне довольно лестное письмо и кучу денег, около тридцати рублей. Из каких-то побуждений, теперь забытых мною, я ревниво скрывал свое авторство даже от людей очень близких мне, от Н.З.Васильева и А.И.Ланина; не придавая серьезного значения этим рассказам, я не думал, что они решат мою судьбу. Но Рейнгардт сообщил Короленко мою фамилию, и, когда В.Г. вернулся из Петербурга, мне сказали, что он хочет видеть меня.

Он жил все в том же деревянном доме архитектора Лемке на краю города. Я застал его за чайным столом в маленькой комнатке окнами на улицу, с цветами на подоконниках и по углам, с массой книг и газет повсюду.

Жена и дети, кончив пить чай, собирались гулять. Он показался мне еще более прочным, уверенным и кудрявым.

- А мы только что читали ваш рассказ "О чиже" - ну, вот и вы начали печататься, поздравляю! Оказывается, вы - упрямый, все аллегории пишете. Что же, и аллегория хороша, если остроумна, и упрямство - не дурное качество.

Он сказал еще несколько ласковых слов, глядя на меня прищуренными глазами. Лоб и шея у него густо покрыты летним загаром, борода - выцвела. В сарпировой рубашке синего цвета, подпоясанной кожаным ремнем, в черных брюках, заправленных в сапоги, он, казалось, только что пришел откуда-то издалека и сейчас снова уйдет. Его спокойные умные глаза сияли бодро и весело.

Я сказал, что у меня есть еще несколько рассказов и один напечатан в газете "Кавказ".

- Вы ничего не принесли с собой? Жаль. Пишете вы очень своеобразно. Не слажено все у вас, шероховато, но - любопытно. Говорят - вы много ходили пешком? Я тоже, почти все лето, гулял за Волгой, по Керженцу, по Ветлуге. А вы где были?

Когда я кратко очертил ему путь мой, он одобрительно воскликнул:

- Ого? Хорошая путина! Вот почему вы так возмужали за эти три года почти? И силищи накопили, должно быть, много?

Я только что прочитал его рассказ "Река играет", он очень понравился мне и красотой и содержанием. У меня было чувство благодарности к автору, и я стал восторженно говорить о рассказе.

В лице перевозчика Тюлина Короленко дал, на мой взгляд, изумительно верно понятый и великолепно изображенный тип крестьянина "героя на час". Такой человек может самозабвенно и просто совершить подвиг великодушия, а вслед за тем изувечить до полусмерти жену, разбить колом голову соседа. Он может очаровать вас добродушными улыбками, сотней сердечных слов, ярких, как цветы, и вдруг, без причины, наступить на лицо вам ногою в грязном сапоге. Как Козьма Минин, он способен организовать народное движение, а потом "спиться с круга", "скормить себя вшам".

В.Г. выслушал мою путаную речь, не прерывая, внимательно присматриваясь ко мне, это очень смущало меня. Порою он, закрыв глаза, пристукивал ладонью по столу, а потом встал со стула, прислонился спиной к стене и сказал, усмехаясь добродушно:

- Вы преувеличили. Скажем проще: рассказ удачный. Этого достаточно. Не утаю - мне самому нравится он. Ну, а таков ли мужик вообще, таков Тюлин, этого я не знаю! А вот вы хорошо говорите, выпукло, ярко, крепким языком, нате вам в оплату за вашу похвалу! И чувствуется, что видели вы много, подумали немало. С этим я

В. Г. Короленко. Максим Горький gorikiy@mail.ru
вас от души поздравляю. От души!

Он протянул мне руку с мозолями на ладони, должно быть, от весел или топора, он любил колоть дрова и вообще физический труд.

- Ну, расскажите, что видели?

Рассказывая, я коснулся моих встреч с различными искателями правды, они сотнями шагают из города в город, из монастыря в монастырь по запутанным дорогам России.

Глядя в окно, на улицу, Короленко сказал:

- Чаще всего они - бездельники. Неудавшиеся герои, противно влюбленные в себя. Вы заметили, что почти все они злые люди? Большинство их ищет вовсе не "святую правду", а легкий кусок хлеба и - кому бы на шею сесть.

Слова эти, сказанные спокойно, поразили меня, сразу открыв предо мною правду, которую я смутно чувствовал.

- Хорошие рассказчики есть среди них, - продолжал Короленко. - Богатого языка люди. Иной говорит, как шелками вышивает.

"Искатели правды", "взыскующие града" - это были любимые герои житийной народнической литературы, а вот Короленко именует их бездельниками, да еще и злыми! Это звучало почти кощунством, но в устах В.Г. продуманно и решенно. И слова его усилили мое ощущение душевной независимости этого человека.

- На Волыни и в Подолье - не были? Там - красиво!

Сказал я ему о моей насильственной беседе с Иоанном Кронштадтским, - он живо воскликнул:

- Как же вы думаете о нем? Что это за человек?

- Человек искренне верующий, как веруют иные, немудрые, сельские попики хорошего, честного сердца. Мне кажется, он испуган своей популярностью, тяжела она ему, не по плечу. Чувствуется в нем что-то случайное, и как будто он действует не по своей воле. Все время спрашивает бога своего: так ли, господи? и всегда боится: не так!

- Странно слышать это, - задумчиво сказал В.Г.

Потом он сам начал рассказывать о своих беседах с мужиками Лукоянова, сектантами Керженца, великолепно, с тонким, цепким юмором подчеркивая в речах собеседников забавное сочетание невежества и хитрости, ловко отмечая здравый смысл мужика и его осторожное недоверие к чужому человеку.

- Я иногда думаю, что нигде в мире нет такой разнообразной духовной жизни, как у нас на Руси. Но если это и не так, то во всяком случае характеры думающих и верующих людей бесконечно и несоединимо разнообразны у нас.

Он веско заговорил о необходимости внимательного изучения духовной жизни деревни.

- Этого не исчерпает этнография, нужно подойти как-то иначе, ближе, глубже. Деревня - почва, на которой мы все растем, и много чертополоха, много бесполезных сорных трав. Сеять "разумное, доброе, вечное" на этой почве надо так же осторожно, как и энергично. Вот я летом беседовал с молодым человеком, весьма неглупым, но - он серьезно убеждал меня, что деревенское кулачество - прогрессивное явление, потому что, видите ли, кулаки накапливают капитал, а Россия обязана стать капиталистической страной. Если такой пропагандист попадет в деревню...

Он засмеялся.

Провожая меня, он снова пожелал мне успеха.

- Так вы думаете, - я могу писать? - спросил я.

- Конечно! - воскликнул он, несколько удивленный. - Ведь вы же пишете, печатаетесь - чего же? Захотите посоветоваться - несите рукописи, потолкуем...

Я вышел от него в бодром настроении человека, который после жаркого дня и великой усталости выкупался в прохладной воде лесной речки.

В.Г.Короленко вызвал у меня крепкое чувство уважения, но почему-то я не ощутил к писателю симпатии, и это огорчило меня. Вероятно, это случилось потому, что в ту пору учителя и наставники уже несколько тяготили меня, мне очень хотелось отдохнуть от них, поговорить с хорошим человеком дружески, просто, о том, что беспощадно волновало меня. А когда я приносил материал моих впечатлений учителям, они кроили и сшивали его сообразно моде и традициям тех политико-философских фирм, закройщиками и портными которых они являлись. Я чувствовал, что они совершенно искренне не могут шить и кроить иначе, но я видел, что они портят мой материал.

Недели через две я принес Короленко рукописи сказки "О рыбаке и фее" и рассказа "Старуха Изергиль", только что написанного мною. В.Г. не было дома, я оставил рукописи и на другой же день получил от него записку: "Приходите вечером поговорить. Вл. Кор."

Он встретил меня на лестнице с топором в руке.

- Не думайте, что это мое орудие критики, - сказал он, потрясая топором, - нет, это я полки в чулане устраивал. Но - некоторое усекновение главы ожидает вас...

Лицо его добродушно сияло, глаза весело смеялись, и, как от хорошей, здоровой русской бабы, от него пахло свежесдобленным хлебом.

- всю ночь - писал, а после обеда уснул; проснулся - чувствую: надо повозиться!

Он был не похож на человека, которого я видел две недели тому назад; я совершенно не чувствовал в нем наставника и учителя; передо мной был хороший человек, дружески внимательно настроенный ко всему миру.

- Ну-с, - начал он, взяв со стола мои рукописи и хлопая ими по колену своему, - прочитал я вашу сказку. Если бы это написала барышня, слишком много прочитавшая стихов Мюссе, да еще в переводе нашей милой старушки Мысовской, - я бы сказал барышне: "недурно, а все-таки выходите замуж!" Но для такого свирепого верзилы, как вы, писать нежные стишки - это почти гнусно, во всяком случае преступно. Когда это вы разразились?

- Еще в Тифлисе...

- То-то! У вас тут сквозит пессимизмом. Имейте в виду: пессимистическое отношение к любви - болезнь возраста, это теория, наиболее противоречивая практике, чем все иные теории. Знаем мы вас, пессимистов, слышали о вас кое-что.

Он лукаво подмигнул мне, засмеялся и продолжал серьезно:

- Из этой панихиды можно напечатать только стихи, они оригинальны, это я вам напечатаю. "Старуха" написана лучше, серьезнее, но - все-таки и снова - аллегория. Не доведут они вас до добра! Вы в тюрьме сидели? Ну, и еще сядете!

Он задумался, перелистывая рукопись:

- Странная какая-то вещь. Это - романтизм, а он - давно скончался. Очень сомневаюсь, что сей Лазарь достоин воскресения. Мне кажется, вы поете не своим голосом. Реалист вы, а не романтик, реалист! В частности, там есть одно место о поляке, оно показалось мне очень личным, - нет, не так?

- Возможно.

- Ага, вот видите! Я же - говорю: мы кое-что знаем о вас. Но - это недопустимо, личное - изгоняйте! Разумею - узколичное.

Он говорил охотно, весело, у него чудесно сияли глаза, - я смотрел на него все с

В. Г. Короленко. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru
большим удивлением, как на человека, которого впервые вижу. Бросив рукопись на стол, он подвинулся ко мне, положил руку на мое колено.

- Слушайте, - можно говорить с вами запросто? Знаю я вас - мало, слышу о вас - много, и кое-что вижу сам. Плохо вы живете. Не туда попали. По-моему, вам надо уехать отсюда или жениться на хорошей, неглупой девушке.

- Но я женат.

- Вот это и плохо!

Я сказал, что не могу говорить на эту тему.

- Ну, извините.

Он начал шутить, потом вдруг озабоченно спросил:

- Да! Вы слышали, что Ромась арестован? Давно? Вот как. Я только вчера узнал. Где? В Смоленске? Что же он делал там?

На квартире Ромася была арестована типография "народоправцев", организованная им.

- Неугомонный человек, - задумчиво сказал В.Г. - Теперь - снова пошлют его куда-нибудь. Что он - здоров? Здоровеннейший мужик был...

Он вздохнул, повел широкими плечами.

- Нет, все это - не то! Этим путем ничего не достигнешь. Астыревское дело - хороший урок, он говорит нам: беритесь за черную, легальную работу, за будничное культурное дело. Самодержавие - большой, но крепкий зуб, корень его ветвист и врос глубоко, нашему поколению этот зуб не вырвать, - мы должны сначала раскачать его, а на это требуется не один десяток лет легальной работы.

Он долго говорил на эту тему, и чувствовалось, что говорит он о своей живой вере.

Пришла Авдотья Семеновна, зашумели дети, я простился и ушел с хорошим сердцем.

Известно, что в провинции живешь, как под стеклянным колпаком, - всё знают о тебе, знают, о чем ты думал в среду около двух часов и в субботу перед всеобщей; знают тайные намерения твои и очень сердятся, если ты не оправдываешь пророческих догадок и предвидений людей.

Конечно, весь город узнал, что Короленко благосклонен ко мне, и я принужден был выслушать немало советов такого рода.

- Берегитесь, собьет вас с толка эта компания поумневших!

Подразумевался популярный в то время рассказ П.Д.Боборыкина "Поумнел" о революционере, который взял легальную работу в земстве, после чего он потерял дождевой зонтик и его бросила жена.

- Вы - демократ, вам нечему учиться у генералов, вы - сын народа! внушали мне.

Но я уже давно чувствовал себя пасынком народа, это чувство от времени усиливалось, и, как я уже говорил, сами народопоклонники казались мне такими же пасынками, как я. Когда я указывал на это, мне кричали:

- Вот видите, - вы уже заразились!

Группа студентов ярославского лицея пригласила меня на пирушку, я что-то читал им, они подливали в мой стакан пива - водку, стараясь делать это незаметно для меня. Я видел их маленькие хитрости, понимал, что они хотят "вдребезги" напоить меня, но не мог понять - зачем это нужно им? Один из них, самовлюбленный и чахоточный, убеждал меня:

- Главное - пошлите ко всем чертям идеи, идеалы и всю эту дребедень! Пишите -

В. Г. Короленко. Максим Горький gorkiymaxim.ru
просто! Долой идеи...

Невыносимо надоедали мне эти советы.

В.Г.Короленко, как всякий заметный человек, подвергался разнообразному воздействию обывателей. Одни, искренне ценя его внимательное отношение к человеку, пытались вовлечь писателя в свои личные, мелкие дразги, другие избрали его объектом для испытания легкой клеветой. Моим знакомым не очень нравились его рассказы.

- Этот ваш Короленко, кажется, даже в бога верует, - говорили мне.

Почему-то особенно не понравился рассказ "За иконой", находили, что это - "этнография", не более.

- Так писал еще Павел Якушкин.

Утверждали, что характер героя-сапожника - взят из "Нравы Растеряевой улицы" Г.Успенского. В общем, критики напоминали мне одного воронежского иеромонаха, который, выслушав подробный рассказ о путешествии Миклухи-Маклая, недоуменно и сердито спросил:

- Позвольте! Вы сказали: он привез в Россию папуаса. Но - зачем же именно папуаса? И - почему только одного?

Рано утром я возвращался с поля, где гулял ночь, и встретил В.Г. у крыльца его квартиры.

- Откуда? - удивленно спросил он. - А я иду гулять, отличное утро! Пройдемтесь?

Он, видимо, тоже не спал ночь: глаза красны и сухи, смотрят утомленно, борода сбита в клочья, одет небрежно.

- Прочитал я в "Волгаре" вашего "Деда Архипа", - это недурная вещь, ее можно бы напечатать в журнале. Почему вы не показали мне этот рассказ, прежде чем печатать его? И почему вы не заходите ко мне?

Я сказал, что меня оттолкнул от него жест, которым он дал мне три рубля взаймы, он протянул мне деньги молча, стоя спиной ко мне. Меня это обидело. Занимать деньги в долг так трудно, я прибегал к этому только в случаях действительно крайней необходимости.

Он задумался, нахмурясь:

- Не помню! Во всяком случае, это было, если вы говорите, что было. Но вы должны извинить мне эту небрежность. Вероятно, я был не в духе, это часто бывает со мною последнее время. Вдруг задумаюсь, точно в колодезь свалился. Ничего не вижу, не слышу, но что-то слушаю, и очень напряженно.

Взяв меня под руку, он заглянул в глаза мне.

- Вы забудьте это. Обижаться вам не на что, у меня хорошее чувство к вам, но что вы обиделись, это вообще - не плохо. Мы не очень обидчивы, вот это плохо! Ну, забудем. Вот что я хочу сказать вам: пишете вы много, торопливо, нередко в рассказах ваших видишь недоработанность, неясность. В "Архипе", - там, - где описан дождь, - не то стихи, не то ритмическая проза. Это - нехорошо.

Он много и подробно говорил и о других рассказах, было ясно, что он читает все, что я печатаю, с большим вниманием. Разумеется, это очень тронуло меня.

- Надо помогать друг другу, - сказал он в ответ на мою благодарность. Нас - немного! И всем нам - трудно.

Понизив голос, он спросил:

- А вы не слышали - правда, что в деле Ромся и других запуталась некая девица Истомина?

В. Г. Короленко. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru

Я знал эту девицу, познакомился с ней, вытащив ее из Волги, куда она бросилась вниз головой с кормы дощаника. Вытащить ее было легко, она пробовала утопиться на очень мелком месте. Это было бесцветное неумное существо с склонностью к истерии и болезненной любовью ко лжи. Потом она была, кажется, гувернанткой у Столыпина в Саратове и убита, в числе других, бомбой максималистов при взрыве дачи министра на Аптекарском острове.

Выслушав мой рассказ, В.Г. почти гневно сказал:

- Преступно вовлекать таких детей в рискованное дело. Года четыре тому назад или больше я встречал эту девушку. Мне она не казалась такой, как вы ее нарисовали. Просто - милая девчурка, смущенная явной неправдой жизни, из нее могла бы выработаться хорошая сельская учительница. Говорят - она болтала на допросах? Но что же она могла знать? Нет, я не могу оправдать приношение детей в жертву Ваалу политики...

Он пошел быстрее, а у меня болели ноги, я спотыкался и отставал.

- Что это вы?

- Ревматизм.

- Рановато! О девочке вы говорили совсем неверно, на мой взгляд. А вообще вы хорошо рассказываете. Вот что - попробуйте вы написать что-либо покрупнее, для журнала. Это пора сделать. Напечатают вас в журнале, и, надеюсь, вы станете относиться к себе более серьезно.

Не помню, чтоб он еще когда-нибудь говорил со мною так обаятельно, как в это славное утро, после двух дней непрерывного дождя, среди освеженного поля.

Мы долго сидели на краю оврага у еврейского кладбища, любясь изумрудами росы на листьях деревьев и травах, он рассказывал о трагикомической жизни евреев "черты оседлости", а под глазами его все росли тени усталости.

Было уже часов девять утра, когда мы воротились в город. Прощаясь со мною, он напомнил:

- Значит - пробуете написать большой рассказ, решено?

Я пришел домой и тотчас же сел писать "Челкаша", рассказ одесского босяка, моего соседа по койке в больнице города Николаева; написал в два дня и послал черновик рукописи В.Г.

Через несколько дней он привел к моему патрону обиженных кем-то мужиков и сердечно, как только он умел делать, поздравил меня.

- Вы написали недурную вещь. Даже прямо-таки хороший рассказ! Из целого куска сделано...

Я был очень смущен его похвалой.

Вечером, сидя верхом на стуле в своем кабинетике, он оживленно говорил:

- Совсем неплохо! Вы можете создавать характеры, люди говорят и действуют у вас от себя, от всей сущности, вы умеете не вмешиваться в течение их мысли, игру чувств, это не каждому дается! А самое хорошее в этом то, что вы цените человека таким, каков он есть. Я же говорил вам, что вы реалист!

Но, подумав и усмехаясь, он добавил:

- Но в то же время - романтик! И вот что, вы сидите здесь не более четверти часа, а курите уже четвертую папиросу.

- Очень волнуюсь...

- Напрасно. Вы и всегда какой-то взволнованный, поэтому, видимо, о вас и говорят, что вы много пьете. Костей у вас - много, мяса - нет, курите ненужно, без удовольствия, - что это с вами?

- Не знаю.
- А - пьете много, - есть слух?
- Врут.
- И какие-то оргии у вас там...

Посмеиваясь, пытливо поглядывая на меня, он рассказал несколько неплохо сделанных сплетен обо мне.

Потом памятно сказал:

- Когда кто-нибудь немножко высовывается вперед, его - на всякий случай - бьют по голове; это изречение одного студента-петровца. Ну, так пустяки в сторону, как бы они ни были любезны вам. "Челкаша" напечатаем в "Русском богатстве", да еще на первом месте, это некоторая отличка и честь. В рукописи у вас есть несколько столкновений с грамматикой, очень невыгодных для нее, я это поправил. Больше ничего не трогал, - хотите взглянуть?

Я отказался, конечно.

Расхаживая по тесной комнате, потирая руки, он сказал:

- Радует меня удача ваша.

Я чувствовал обаятельную искренность этой радости и любовался человеком, который говорит о литературе, точно о женщине, любимой им спокойной, крепкой любовью - навсегда. Незабвенно хорошо было мне в этот час, с этим лоцманом, я молча следил за его глазами - в них сияло так много милой радости о человеке.

Радость о человеке - ее так редко испытывают люди, а ведь это величайшая радость на земле.

Короленко остановился против меня, положил тяжелые руки свои на плечи мне.

- Слушайте - не уехать ли вам отсюда? Например, в Самару. Там у меня есть знакомый в "Самарской газете". Хотите, я напишу ему, чтоб он дал вам работу? Писать?

- Разве я кому-то мешаю здесь?

- Вам мешают.

Было ясно, что он верит рассказам о моем пьянстве, "оргиях в бане" и вообще о "порочной" жизни моей, - главнейшим пороком ее была нищета. Настойчивые советы В.Г. мне уехать из города несколько обижали, но в то же время его желание извлечь меня из "недр порока" трогало за сердце.

Взволнованный, я рассказал ему, как живу, он молча выслушал, нахмурился, пожал плечами.

- Но ведь вы же сами должны видеть, что все это совершенно невозможно и - чужой вы во всей этой фантастике! Нет, вы послушайте меня. Вам необходимо уехать, переменить жизнь...

Он уговорил меня сделать это.

Потом, когда я писал в "Самарской газете" плохие ежедневные фельетоны, подписывая их хорошим псевдонимом "Иегудиил Хламида", Короленко посылал мне письма, критикуя окаянную работу мою насмешливо, внушительно, строго, но всегда дружески.

Особенно хорошо помню я такой случай.

Мне до отвращения надоел поэт, носивший роковую для него фамилию Скукин. Он присылал в редакцию стихи свои саженьями, они были неизлечимо малограмотны и

В. Г. Короленко. Максим Горький gor.ki.umaxim.ru

чрезвычайно пошлы, их нельзя было печатать. Жажда славы внушила этому человеку оригинальную мысль: он напечатал стихи свои на отдельных листах розовой бумаги и роздал их по гастрономическим магазинам города, приказчики завертывали в эту бумагу пакеты чая, коробки конфет, консервы, колбасы, и, таким образом, обыватель получал, в виде премии к покупке своей, поларшина стихов, в них торжественно воспевались городские власти, предводитель дворянства, губернатор, архиерей.

Каждый на свой лад, все эти люди были примечательны и вполне заслуживали внимания, но – архиерей являлся особенно выдающейся фигурой: он насильно окрестил девушку-татарку, чем едва не вызвал бунт среди татар целой волости, он устроил совершенно идиотский процесс хлыстов, по этому процессу были осуждены люди ни в чем не повинные, это я хорошо знал. Наиболее славен был такой подвиг его: во время поездки по епархии, в непогожий день, у него сломалась карета около какой-то маленькой, заброшенной деревеньки, и он должен был зайти в избу крестьянина. Там, на полке, около божницы, он увидел гипсовую голову Зевса, разумеется, это поразило его. Из расспросов и осмотра других изб оказалось, что изображение владыки олимпийцев, а также и статуэтка богини Венеры есть и еще у нескольких крестьян, но никто из них не хотел сказать – откуда они взяли идолов.

Этого оказалось достаточно, чтоб возбудить уголовное дело о секте самарских язычников, которые поклонялись богам древнего Рима. Идолопоклонников посадили в тюрьму, где они и пробыли до поры, пока следствие не установило, что ими убит и ограблен некий торговец гипсовыми изделиями Солдатской слободы в Вятке; убив торговца, эти люди дружески разделили между собой его товар, и – только.

Одним словом: я был недоволен губернатором, архиереем, городом, миром, самим собою и еще многим. Поэтому, в состоянии запальчивости и раздражения, я обругал поэта, воспевшего ненавистное мне, приставив к его фамилии Скукин слово сын.

В.Г. тотчас прислал мне длинное и внушительное письмо на тему: даже и за дело ругая людей, следует соблюдать чувство меры. Это было хорошее письмо, но его при обыске отобрали у меня жандармы, и оно пропало вместе с другими письмами Короленко.

Кстати – о жандармах.

Ранней весной 97 года меня арестовали в Нижнем и, не очень вежливо, отвезли в Тифлис. Там, в Метехском замке, ротмистр Конисский, впоследствии начальник петербургского жандармского управления, допрашивая меня, уныло говорил:

– Какие хорошие письма пишет вам Короленко, а ведь он теперь лучший писатель России!

Станный человек был этот ротмистр: маленький, движения мягкие, осторожные, как будто неуверенные, уродливо большой нос грустно опущен, а бойкие глаза – точно чужие на его лице, и зрачки их забавно прячутся куда-то в переносицу.

– Я – земляк Короленко, тоже волынец, потомок того епископа Конисского, который – помните? – произнес знаменитую речь Екатерине Второй: "Оставим солнце" и т.д... Горжусь этим!

Я вежливо осведомился, кто больше возбуждает гордость его – предок или земляк?

– И тот и другой, конечно, и тот и другой!

Он загнал зрачки в переносицу, но тотчас громко шмыгнул носом, и зрачки выскочили на свое место. Будучи болен и потому – сердит, я заметил, что плохо понимаю гордость человеком, которому чрезмерно любезное внимание жандармов так много мешало и мешает жить, Конисский благочестиво ответил:

– Каждый из нас – творит волю пославшего, каждый и все! Пойдемте далее. Итак, вы утверждаете... А между тем, нам известно...

Мы сидели в маленькой комнатке под входными воротами замка. Окно ее помещалось очень высоко, под потолком, через него на стол, загруженный бумагами, падал луч жаркого солнца и, между прочим, на позор мой, освещал клочок бумаги, на котором мною было четко написано:

"Не упрекайте лососину за то, что гложет лось осину".

Я смотрел на эту проклятую бумажку и думал:

"Что я отвечу ротмистру, если он спросит меня о смысле этого изречения?"

Шесть лет – с 95 по 901 год – я не встречал Владимира Галактионовича, лишь изредка обмениваясь письмами с ним.

В 901 году я впервые приехал в Петербург, город прямых линий и неопределенных людей. Я был "в моде", меня одолевала "слава", основательно мешая мне жить. Популярность моя проникла глубоко: помню, шел я ночью по Аничкову мосту, меня обогнали двое людей, видимо, парикмахеры, и один из них, заглянув в лицо мое, испуганно, вполголоса сказал товарищу:

– Гляди – Горький!

Тот остановился, внимательно осмотрел меня с ног до головы и, пропустив мимо себя, сказал с восторгом:

– Эх, дьявол, – в резиновых калошах ходит!

В числе множества удовольствий я снялся у фотографа с группой членов редакции журнала "Начало", – среди них был провокатор и агент охранного отделения М.Гурович.

Разумеется, мне было крайне приятно видеть благосклонные улыбки женщин, почти обожавшие взгляды девиц, и, вероятно, – как все молодые люди, только что ошарашенные славой, – я напоминал индейского петуха.

Но, бывало, ночами, наедине с собою, вдруг почувствуешь себя в положении непойманного уголовного преступника: его окружают шпионы, следователи, прокуроры, все они ведут себя так, как будто считают преступление несчастием, печальной "ошибкой молодости", и – только сознайся! – они великодушно простят тебя. Но – в глубине души каждому из них непобедимо хочется уличить преступника, крикнуть в лицо ему торжествующе:

"Ага-а!"

Нередко приходилось стоять в положении ученика, вызванного на публичный экзамен по всем отраслям знания.

– Како веруешь? – пытали меня начетчики сект и жрецы храмов.

Будучи любезным человеком, я сдавал экзамены, обнаруживая терпение, силе которого сам удивлялся, но после пытки словами у меня возникало желание проткнуть Исаакиевский собор адмиралтейской иглою или совершить что-либо иное, не менее скандальное.

Где-то позади добродушия, почти всегда несколько наигранного, россияне скрывают нечто, напоминающее хамоватость. Это качество – а может быть, это метод исследования? – выражается очень разнообразно, главным же образом – в стремлении посетить душу ближнего, как ярмарочный балаган, взглянуть, какие в ней показываются фокусы, пошвырять, натоптать, насорить пустяков в чужой душе, а иногда – опрокинуть что-нибудь. И, по примеру фомы, тыкать в раны пальцами, очевидно думая, что скептицизм апостола равноценен любопытству обезьян.

В.Г.Короленко и в каменном Петербурге нашел для себя старенький деревянный дом, провинциально уютный, с крашеным полом в комнатах, с ласковым запахом старости.

В.Г. поседел за эти годы, кольца седых волос на висках были почти белые, под глазами легли морщины, взгляд – рассеянный, усталый. Я тотчас почувствовал, что его спокойствие, раньше так приятное мне, заменилось нервозностью человека, который живет в крайнем напряжении всех сил души. Видимо, не дешево стоило ему Мультианское дело и все, что он, как медведь, ворочал в эти трудные годы.

– Бессоница у меня, отчаянно надоедает. А вы, не считаясь с туберкулезом, все

В. Г. Короленко. Максим Горький gor.ki.umaxim.ru

так же много курите? Как у вас легкие? Собираюсь в Черноморье, - едем вместе?

Сел за стол против меня и, выглядывая из-за самовара, заговорил о моей работе.

- Такие вещи, как "Варенька Олесова", удаются вам лучше, чем "Фома Гордеев". Этот роман - трудно читать, материала в нем много, порядка, стройности - нет.

Он выпрямил спину так, что хрустнули позвонки, и спросил:

- Что же вы - стали марксистом?

Когда я сказал, что - близок к этому, он невесело улыбнулся, заметив:

- Неясно мне это. Социализм без идеализма для меня - непонятен! И не думаю, чтобы на сознании общности материальных интересов можно было построить этику, а без этики - мы не обойдемся.

И, прихлебывая чай, спросил:

- Ну, а как вам нравится Петербург?

- Город - интереснее людей.

- Люди здесь...

Он приподнял брови и крепко потер пальцами усталые глаза.

- Люди здесь более европейцы, чем москвичи и наши волжане. Говорят: Москва своеобразнее, - не знаю. На мой взгляд, ее своеобразие - какой-то неуклюжий, туповатый консерватизм. Там славянофилы, Катков и прочее в этом духе, здесь - декабристы, петрашевцы, Чернышевский...

- Победоносцев, - вставил я.

- Марксисты, - добавил В.Г., усмехаясь. - И всякое иное заострение прогрессивной, то есть революционной мысли. А Победоносцев - то талантлив, как хотите! Вы читали его "Московский сборник"? Заметьте - московский все-таки!

Он сразу нервно оживился и стал юмористически рассказывать о борьбе литературных кружков, о споре народников с марксистами.

Я уже кое-что знал об этом, на другой же день по приезде в Петербург я был вовлечен в "историю", о которой я даже теперь вспоминаю с неприятным чувством; я пришел к В.Г. для того, чтобы, между прочим, поговорить с ним по этому поводу.

Суть дела такова.

Редактор журнала "Жизнь" В.А. Поссе организовал литературный вечер в честь и память Н.Г.Чернышевского, пригласив участвовать В.Г.Короленко, Н.К.Михайловского, П.Ф.Мельшина, П.Б.Струве, М.И.Туган-Барановского и еще несколько марксистов и народников. Литераторы дали свое согласие, полиция разрешение.

На другой день по приезде моем в Петербург ко мне пришли два щеголя студента с кокетливой барышней и заявили, что они не могут допустить участия Поссе в чествовании Чернышевского, ибо: "Поссе человек, неприемлемый для учащейся молодежи, он эксплуатирует издателей журнала "Жизнь". Я уже более года знал Поссе и хотя считал его человеком оригинальным, талантливым, однако - не в такой степени, чтобы он мог и умел эксплуатировать издателей. Знал я, что его отношения с ними были товарищеские, он работал как ломовая лошадь и, получая ничтожное вознаграждение, жил, с большой семьей, впроголодь. Когда я сообщил все это юношам, они заговорили о неопределенной политической позиции Поссе между народниками и марксистами, но - он сам понимал эту неопределенность и статьи свои подписывал псевдонимом Вильде. Блюстители нравственности и правоправия рассердились на меня и ушли, заявив, что они пойдут ко всем участникам вечера и уговорят их отказаться от выступлений.

В дальнейшем оказалось, что "инцидент в его сущности" нужно рассматривать не как

В. Г. Короленко. Максим Горький gor.ki.umaxim.ru
выпад лично против Поссе, а "как один из актов борьбы двух направлений политической мысли", – молодые марксисты находят, что представителям их школы неуместно выступать перед публикой с представителями народничества "изношенного, издыхающего". Вся эта премудрость была изложена в письме, обширном, как доклад, и написанном таким языком, что, читая письмо, я почувствовал себя иностранцем. Вслед за письмом от людей мне неведомых я получил записку П.Б.Струве, – он извещал меня, что отказывается выступить на вечере, а через несколько часов другой запиской сообщил, что берет свой отказ назад. Но – на другой день отказался М.И.Туган-Барановский, а Струве прислал третью записку, на сей раз с решительным отказом и, как в первых двух, без мотивации оного.

В.Г., посмеиваясь, выслушал мой рассказ о этой канители и юмористически грустно сказал:

– Вот, – пригласят читать, а выйдешь на эстраду – схватят, снимут с тебя штаны и – выпорют!

Расхаживая по комнате, заложив руки за спину, он продолжал вдумчиво и негромко:

– Тяжелое время! Растет что-то странное, разлагающее людей. Настроение молодежи я плохо понимаю, мне кажется, что среди нее возрождается нигилизм и явились какие-то карьеристы-социалисты. Губит Россию самодержавие, а сил, которые могли бы сменить его, – не видно!

Впервые я наблюдал Короленко настроенным так озабоченно и таким усталым. Было очень грустно.

К нему пришли какие-то земцы из провинции, и я ушел. Через два-три дня он уехал куда-то отдыхать, и я не помню, встречался ли я с ним после этого свидания.

Встречи мои с ним были редки, я не наблюдал его непрерывно, изо дня в день, хотя бы на протяжении краткого времени.

Но каждая беседа с ним укрепляла мое представление о В.Г.Короленко как о великом гуманисте. Среди русских культурных людей я не встречал человека с такой неутомимой жаждою "правды-справедливости", человека, который так проникновенно чувствовал бы необходимость воплощения этой правды в жизнь.

После смерти Л.Н.Толстого он писал мне:

"Толстой, как никто до него, увеличил количество думающих и верующих людей. Мне кажется, вы ошибаетесь, утверждая, что это увеличено за счет делающих или способных к делу. Человеческая мысль всегда действительна, только разбудите ее, и стремление ее будет направлено к истине, справедливости".

Я уверен, что культурная работа В.Г. разбудила дремавшее правосознание огромного количества русских людей. Он отдавал себя делу справедливости с тем редким, целостным напряжением, в котором чувство и разум, гармонически сочетаясь, возвышаются до глубокой, религиозной страсти. Он как бы видел и ощущал справедливость, как все лучшие мечты наши, она – призрак, созданный духом человека, ищущий воплотиться в осязаемые формы.

В ущерб таланту художника он отдал энергию свою непрерывной, неустанной борьбе против стоглавого чудовища, откормленного фантастической русской жизнью.

Суровые формы революционной мысли, революционного дела тревожили и мучили его сердце, – сердце человека, который страстно любил красоту-справедливость, искал слияния их во единое целое. Но он крепко верил в близкий расцвет творческих сил страны и предчувствовал, что чудо воскресения народа из мертвых будет страшным чудом.

В 1908 году он писал:

"Все, что делают сейчас, через несколько лет отзовется вулканическим взрывом, страшные это будут дни. Но он будет, если жива душа народа, а душа его жива".

В 87 году он закончил свой рассказ "На затмении" стихами Н.Берга:

В. Г. Короленко. Максим Горький gorkiymaxim.ru
На святой Руси петухи поют,

Скоро будет день на святой Руси.

Всю жизнь, трудным путем героя, он шел встречу дню, и неисчислимо все, что сделано В.Г.Короленко для того, чтоб ускорить рассвет этого дня.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!